

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ НАРОДНОЙ

ПОЭЗИИ

Г.Ф. Одинцов

Не все жанры русского фольклора одинаково хорошо изучены лингвистами, и едва ли не менее всего исследованы тексты народных частушек – сравнительно молодого жанра русского фольклора, возникшего в 60-70-ые годы XIX века. Между тем народная русская частушка, по замечанию писателя Глеба Успенского, выполняла роль "острого словца", а если это так, то определенные выразительные средства языка не могли не быть в этом жанре достаточно активно использованными. Прежде всего вызывает интерес экспрессивная лексика, выполняющая важную художественную функцию и закрепленная синтаксически. Речь идет о так называемых несвободных лексических значениях – синтаксически обусловленных, выделенных академиком В.В. Виноградовым, который впервые поставил перед русистами задачу изучения такой лексики¹. Среди работ, отразивших развитие идей В.В. Виноградова, наше особое внимание привлекает исследование Т.Н. Семеновой². Вслед за Т.Н. Семеновой мы делим синтаксически несвободные значения, выявляемые в существительных, на абсолютно и относительно несвободные. Понимание первых у Т.Н. Семеновой и автора настоящей статьи не одно и то же³, тогда как понимание относительно несвободных значений одинаково: такие значения имеют место в том случае, когда существительное сохра-

¹ В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. – "Вопросы языкознания", 1953, № 5.

² Т.Н. Семенова. Имена существительные с синтаксически несвободными значениями в современном русском языке /автореферат канд. дисс./, Саратов, 1967.

³ См. указанную работу Т.Н. Семеновой, стр. 3 и сл., а также наши заметки "Имена существительные с абсолютно несвободными функционально-синтаксически обусловленными лексическими значениями в народной русской частушке". – "Вопросы семантики. ч.2". Уч. записки МГПИ имени В.И. Ленина/, М., 1976.

няет одну и ту же семантику, если оно может выступать или выступает не в одной /в отличие от слов с абсолютно несвободными значениями/, а в нескольких, хотя и немногих функциях: в роли сказуемого, обращения и приложения /а также в роли подлежащего или дополнения с особыми синтаксическими ограничителями - такие случаи, впрочем, весьма редки/.

В настоящей статье ставится задача проанализировать употребление в народных русских частушках⁴ слов с относительно несвободными синтаксически закрепленными лексическими значениями и выявить основные моменты функционирования таких слов на фоне литературного русского языка, закономерности функционирования в котором подобных существительных установлены Т.Н. Семеновой в названной ее работе. Т.Н. Семенова отметила следующие особенности функционирования в литературном языке существительных с относительно несвободными значениями: 1/ преимущественное употребление их в функции сказуемого; 2/ их менее частое употребление в роли обращения и приложения; 3/ сравнительно редкое и реализуемое при определенных условиях функционирование в роли непредикативных членов предложения - подлежащего, дополнения, обстоятельства⁵.

Только очень приблизительно сходная картина наблюдается в языке частушек; несоответствий норме здесь значительно больше, чем у слов с абсолютно несвободным значением, что вполне естественно, поскольку здесь в 4 с лишним раза больше само количество таких словоупотреблений. Расхождения же с отмеченными литературными нормами следующие.

Во-первых, для языка частушек характерно преимущественное употребление существительных в их относительно несвободном значении не в функции сказуемого /таких случаев около 50/, а в ро-

⁴ При этом принимаются во внимание подлинно народно-поэтические тексты, опубликованные в крупнейших дореволюционных и советских сборниках /см. их перечень в списке принятых сокращений/, - все то, что исполнялось или исполняется народом во время гуляний, молодежных вечеринок и т.д.

⁵ Т.Н. Семенова. Указ. соч., стр. 7.

ли обращения /свыше 70 словоупотреблений/, что объясняется:

а/ исключительно устными языковыми образами частушек /в устной речи обращения встречаются чаще, чем в письменной; в литературном же языке при наличии этих двух его разновидностей количество обращений становится меньшим/;

б/ по некоторым нашим наблюдениям, существительные в их относительно несвободных значениях выступают в функции сказуемого чаще и больше всего в речевых полях сатирического и юмористического плана, например, в фельетонах, а среди частушек количество сатирических песенок невелико, основная же масса частушек - миниатюры любовно-лирические /из 21 тысячи анализируемых частушек - около 19 тысяч любовно-лирических и только 2 тысячи сатирических, юмористических, "нескладух" и частушек социальных/, в связи с этим неудивительно, что слова с порицающим значением: медведь, лиса, заяц, боров, свинья, шляпа и некоторые им подобные - совершенно не встречаются в частушках в своем несвободном значении, используются лишь те слова, которые как-то гармонируют с лирико-поэтическим характером высказывания: змея /лютая, подколотная/, собака /о Гитлере/, пес /о попе-развратнике/ и т.д.

И напротив: в силу лирико-поэтического характера народной частушки возрастает роль поэтического обращения: ягодка /моя/ /довольно часто/, /красно/ солнышко /мое/ /например, обращение сына к отцу, Б, 960/ /мое/ золото /Л. 6400/, /моя/ крошечка /Л, 6164/, /моя/ картиночка /Б, 1259/, куколка /Л, 3298/, голубушка /С, 1241/, ангел /мой/ /С, 2357/, цветик /мой/ /С, 2847/, цветочек /С, 2749/, конфетка /моя/ /Е, 3745/, земляничка /моя/ /Е, 1791/, /дорогая моя/ радость /С, 2031/ и т.д. Диаметральной противоположностью по своему эмоциональному колориту являются слова с несвободным значением в функции обращения: гад /Б, 310/, сатана /Л, 7904/, вертушка /Л. 5204/, дрянь /Е, 3622/ и др., имеющие отрицательную эмоциональную окраску, причем слов этой группы значительно меньше.

Вторым несоответствием литературной норме в функционировании слов с относительно несвободным значением является некоторое преобладание номинативного употребления существительных над ис-

пользованием их в функции приложения, что объясняется введением индивидуально-стилистических неологизмов:

"К нам ребяташки пришли // При галошах, при часах // Мое шлепало пришлепало // В больших сапогах". /Л, 2571. Ср. еще: Л, 5844/.

Здесь можно говорить даже об абсолютно несвободном лексическом значении на том основании, что шлепало - окказиональное слово, "созданное только для данного случая".

Особенности функционирования существительных в относительно несвободных лексических значениях заключаются и в совершенно специфических чертах в отличие от литературного языка. Обычно то или иное слово в предложении монофункционально, т.е. выполняет одну определенную синтаксическую функцию. Однако время от времени тот или иной член предложения в языке фольклора бифункционален, т.е. одновременно является носителем двух синтаксических функций, из которых ни та, ни другая не преобладает.

Возьмем пример:

"Ты, милашка, куколка, // Посидим у уголка. // У вас, у нас огонь погас, // Не ругают дома нас" /Л, 3289/; - где / в первом предложении/ ты обозначим буквой А, куколка - буквой В, посидим /у уголка/ - буквой С.

По смысловому содержанию первый член А выражает предмет, о котором идет речь, третий член С - признак этого предмета, второй член В - обоснование связи между А и С и является одновременно и признаком /по отношению к А/ и частью обращения /по отношению к С/. Бифункциональность второго члена /В/, таким образом, бесспорна. Рассматривать данное предложение как двусоставное, где ты - подлежащее, посидим - сказуемое, нельзя из-за отсутствия согласования главных членов в лице и числе: ты - второго лица, ед. числа, посидим - первого лица, мн. числа. Делить же это предложение на два простых /в каждом стихе по предложению/ невозможно, так как искажается смысл высказывания. Наличие бифункционального сказуемого-обращения отмечено еще в нескольких частушках /Е, 5081/;

С, 2847 и др./; впрочем, такие случаи встречаются нечасто⁶.

В функционировании слов с относительно несвободными значениями в частушках есть еще одно несоответствие литературным нормам. Т.Н. Семенова утверждает, что обращение с относительно несвободным значением локализовано: "его обычное место в отличие от собственно звательного обращения, - абсолютный конец предложения. Реже такое обращение находится в середине предложения" /Указ. соч., стр. 7/. Действительно; "Где тебе монашкой быть, // Ребятница, вертушка!" /Л, 5204/. Другой пример: "Как те, ягодка, не стыдно // Про девчонку песни петь?" /Б, 494/.

Но в частушках возможно употребление такого обращения-характеристики и в абсолютном начале предложения: а/ "Цветок, женишься - спокаешься, // Жалеть будешь меня". /Л, 1345/; б/ "Конфетка моя, // Леденистая, // Полюбила бы тебя, // Да ты кислая". /Е, 3829/. Аналогично: цветок /Б, 535/, цветочек /аленький/ /Л, 7814/, капуста /моя/ /Е, 3909/. Такие явления объясняются символическим значением слов: капуста - 'символ девушки, девичества, женственности', цветок - 'милый' и т.д. Народному исполнителю сказать: цветок, женишься... - все равно, что милый, женишься..., настолько глубоко этот цветок как символ пустил свои корни в лирической песне.

Существительные с относительно несвободным значением в своем номинативном употреблении имеют в частушках, как и в литературном языке⁷, следующие синтаксические ограничения:

1/ наличие при них /существительных/ указательных местоимений этот, тот, такой и пр. - а/ "Говорят: забава помер, - // Не поверю никому: // Неужели такой вербонка // Лежать будет в гробу?" /С, 2228/; б/ "Неужели, дроля, любишь // Эдако чудовищо?" /Л, 41; аналогично: Б, 2182, 2910, 3046, 3047/;

⁶ Синтаксис трехчленных народно-поэтических конструкций несколько иного вида /"Авось - вор: украдет"/ рассмотрен В.А. Федосовым. См. его автореферат канд. дисс. "Синтаксис причинно-следственных конструкций /на материале русских пословиц/". М., 1965.

⁷ Т.Н. Семенова. Указ. соч., стр. 7-8.

2/ наличие притяжательных местоимений, определяющих существительное - а/ "Били девушку веревкой, // Добирались бить ремнем, - // Моя горячая слезинка // Долго слушал под окном". /С, 1353/;
б/ "На твою, Павлыч, симпатию // Не хочется глядеть". /С, 2793/;

3/ употребление существительных в конструкциях с глаголами назвать, обозвать и т.д. - "Назвала меня мать // Разбойницею". /Е, 4075; еще: Б, 3397; Л, 862 и т.д./.

Однако в частушках нередко можно наблюдать случаи употребления подобных существительных без указанных ограничений, что не соответствует литературным нормам языка:

а/ "Чужи ягодки гуляют,
Дорогого мого нет". /С, 370/;

б/ "Неужели из пяти
Цветка по сердцу не найти?" /С, 915/.

в/ "Шел забавочка во город,
Наговаривал, как жить:
Живи, забавочка, скромнее,
И приду-буду любить". /С, 2028/.

Все указанные отклонения от литературных норм в функционировании существительных с относительно несвободными значениями, придавая определенное своеобразие языку и стилю, не настолько существенны, чтобы говорить о разных системах синтаксической организации слов с несвободными значениями.

Отметим тематические группы существительных с относительно несвободными значениями, наблюдающимися чаще всего у слов - наименований конкретных предметов:

1/ в названиях неодушевленных предметов /наиболее продуктивная в этом отношении группа/ -

камень /С, 450; Л, 843/ - 'о том, что полно бесчувственности';

крошечка /Л, 6164/ - 'очень ласковое обращение /чаще всего к ребенку или женщине/';

солнышко /В, 960/ - 'о ком-либо очень дорогом, приносящем счастье';

язва - /Б, 2068/ - 'о человеке /женщине или мужчине/, любящем язвить';

здесь же: куколка /Л, 3289/, яблочко /С, 442, 1183, 1044/, конфетка /Е, 3295, 3745, 3829/, вертушка /Л, 5204, 4636, 6916, 6556; Б, 522, 523/, пень /Б, 2977, 3063/, лопух /Б, 3090/, лапоть /Е, 4110/, ягодка /Б, 494; С, 1729, 2507, 1814, 2044/, ум.-ласк. ягодиночка /Р, 325, стр. 136/, земляничка /Е, 1791, С, 251/, золото /Л, 6400/, изюминка /С, 3008 и др./, цветок /С, 915/, колубничка /Е, 3695/, цветочек /Л, 7467; С, 2749/, роза /единственный пример - С, 3036, - с текстом, отражающим книжное влияние/, кровиночка /Р, 145, стр. 43/, бочки 'очень полные девушки' /С, 1201/, пешка /Б, 2932/; поэтические семантические образования, неизвестные в общелитературном употреблении: перцовочка 'юная девушка, страстно любимая молодым человеком' /С, 3005/, вербонка 'молодой человек, любимый и морально высоко оцениваемый девушкой' /С, 2228/; прянички 'о привлекательных молодых людях' /С, 1143/; простыня 'непотребная молодая женщина' /С, 2603/; карамельна 'милый, милая' /С, 427, 494, 725 и т.д./;

б/ в наименованиях животных /менее продуктивная группа, хотя в литературном языке именно она является доминирующей/;

пиявка /Л, 4348/, - 'о человеке, жадно и злобно эксплуатирующем кого-нибудь, заедающем чью-нибудь жизнь'; змея /Б, 616; С, 1996, 1997/ - 'о коварном, ехидном, злом человеке'; скотина - 'о подлом, грубом человеке'; еще: ворона /Л, 2024/, пес /Б, 2075, С, 1092, 2130/; стрекоза /Л, 4647/, голубочек /Б, 1569/, голубеночек /Е, 4033, 4303/, собака /Б, 2428; Л, 1811/, змея /Л, 7341/, гад /Б, 310/, кляча /Е, 3951/;

в/ в наименованиях лиц:

тиран /Е, 3224; Б, 1540/ - 'о том, кто мучит, лишает спокойствия'; цыганеночек /Л, 5854/ - 'о мальчике, юноше с черными вьющимися волосами'; атаман /Б, 3189; Л, 7931/ - 'предводитель' /шутливо/; азиаты /Л, 5352/ - 'некультурные, грубые люди, варвары' /"немцы-азиаты" - о фашистах/; сюда же: разбойница /Е, 4558, 4076/, рахитики /Б, 3253/, карапузики /Б, 3047, 3046/, монашенка /Е, 3864; Л, 6451/;

г/ в наименованиях мифологических существ:

чертенок /Б, 1719/ - 'о живом, бойком шалуне /с оттенком ласковой укоризны/'; ангел /С, 2357; Е, 2941, 3300/ - 1/ 'об идеале, олицетворении чего-нибудь', 2/ 'ласковое обращение к любимому человеку'; еще: чудовище /Л, 41/, сатана /Б, 2395; Б, 2461 и т.д./, ангелочек /Е, 5867/, бес /Л, 3975/, дьяволенок /С, 1226/, черт /С, 1694, 2778/;

д/ в наименованиях, обозначающих чувства: радость 'обращение к любимому человеку' /С, 595/; утеха /С, 2578/, симпатия /моя и даже мой/ /С, 48, 665, 1422/;

е/ в наименованиях болезней: холера 'бранно о человеке, о мужчине по преимуществу' /Л, 26; С, 1909/; лихорадка 'бранно о женщине' /С, 2258/.

Создатели частушек стремятся ослабить грубость некоторых из приведенных слов, используя нередко их с уменьшительно-ласкательными суффиксами даже тогда, когда, казалось бы, эти суффиксы совершенно бессмысленны:

"А он назвал тебя
Да паразиточкой /Б, 3397/, -

где суффикс -к- имеет только эфемистическое значение /ср. также употребление слова коровушка вместо корова в качестве характеристики нерасторопной женщины /Б, 2547/, где эфемистическое значение суффикса -ушк- сочетается с иронией; см. выше еще дьяволенок/. Аналогично:

"Мы на лодочке катались
В воскресенье весь денек.
Если девушку отбили -
Так не парень, а ценек".

С точки зрения семантической, при употреблении существительных в относительно /как и в абсолютно/ несвободном значении отклонений от литературных норм нет, за единичными исключениями. Например, слово чудовище в своем несвободном значении употребляется в литературном языке применительно к жестокому, низкому в нравственном отношении человеку. В таком значении это слово имеет книжный характер, чем объясняется его неточное понимание в народной среде:

"Супостаточка повыше // На одно верховьицо /т.е. "на голову": - Г.О./ . // Неужели, дроля, любишь // Эдако чудовищо?" /Л, 41/, - где это существительное означает 'страшилище'. По этой же причине в записи начала XX в. имеем модели 'модницы': "Наши девушки - модели: // Туфли на ноги надели, // Полосатые чулки, - // Пошли гулять на ручейки". /С, 1187/.

В одной дореволюционной частушке мы обнаружили семантический архаизм - демократы 'буяны', - возникший в условиях самодержавно-полицейской пропаганды, направленной против социал-демократов: "Деревенские ребята // Настоящи демократы! // Из-за сотки роздерутся, // Росцарапаются в кровь" /С, 2976/.

Вместе с тем слово употреблено здесь, по-видимому, иронически.

С точки зрения морфологической, обнаруженные в частушках рассматриваемые существительные представляют собой пеструю картину.

Нередко у них категории рода, числа, падежа остаются без существенных изменений. Но некоторые существительные мужского или женского рода переходят в слова общего рода.

Например, слово сатана в свободном значении обладает мужским родом и не имеет множественного числа. То же самое обнаруживается и в синтаксически несвободном значении этого слова, когда оно характеризует лицо мужского пола:

"Не люби, подружка, Федьку,
Он-от чистой сатана". /С, 2605/.

Ср. также употребление в косвенном падеже "косого сатану" /о Гитлере. - Л, 4978/. Употребляясь применительно к женскому полу, это слово приобретает форму женского рода:

а/ "Как моя-то золовушка
Такая сатана" /С, 2000/;

б/ "Ты, старуха старая,
Сатана лукавая..." /Р, 265, стр. 126/.

Еще: С, 1542. Менее последователен такой переход у существительного симпатия.

У немногих существительных наблюдаются любопытные особен-

ности в категории рода: "Мой холера охает" /Е, 3790/; "За какого иду клячу!" /Е, 3951/.

У подчеркнутых слов форма не изменилась, стала иной лишь форма согласованных с ними местоимений. Это явление можно истолковывать двояко. Во-первых, можно считать, что в данных значениях слова холера и кляча стали существительными общего рода и, поскольку они являются здесь наименованиями лиц мужского пола, то местоимения мой и какой согласуются с ними в мужском роде. Допустима, однако, и другая точка зрения: местоимения, употребленные в форме мужского рода вместо женского, выражают тем самым переносный смысл существительных холера и кляча более обобщенно, по существу делая эти слова экспрессивно-усилительными придатками субстантивированных местоимений: "Мой холера охает", т.е. "мой-то, холера, охает".

При таком несоответствии определения с определяемым существительным в роде создается, пожалуй, не один, как при полном согласовании /"за какую иду клячу!"/, а два семантических центра: "за какого" и "за клячу", "мой" и "холера"/.

Эта вторая точка зрения не бесспорна, но соответствует импровизационному характеру частушке, а именно: после уже спетых слов "за какого иду" исполнитель, возможно, неожиданно для себя добавляет осенившее его слово "клячу".

Морфологические изменения существительных в их абсолютивно-несвободном лексическом значении гораздо более велики и разнообразны.

*

1. Главная лексико-семантическая особенность языка народных частушек - активнейшее использование в них слов с несвободными значениями и в частности - с функционально-синтаксически закрепленной семантикой. Такие слова служат едва ли не важнейшим семантическим средством образной характеристики в частушке.

2. Особенность функционирования таких слов в частушке - довольно часто являющиеся случаи их относительно свободного /синтаксически не вполне закрепленного/ употребления, что отличает в этом отношении язык народно-поэтический от литератур-

ного.

Однако главенствующей остается тенденция к преобладанию типа несвободных лексических значений.

3. Отличительной чертой синтаксического употребления слов в относительно несвободных значениях в языке фольклора является встречающийся иногда факт бифункциональности членов предложения /в частности, сказуемых-обращений/ и возникновение на этой основе в противовес дву- и односоставным предложениям так называемых трехчленных конструкций.

Принятые сокращения

- Б - Частушка. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.С. Бахтина. М.-Л., 1966.
- Е - Сборник великорусских частушек. Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.
- Л - Частушки в записях советского времени. Изд. подготовили З.И. Власова и А.А. Горелов. Изд. АН СССР. М.-Л., 1965.
- Р - Русские частушки. Предисловие и отбор текстов Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной. М., 1966.
- С - В.И. Симаков. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.